ТАТЬЯНА КРАСИКОВА

tkrasikova@inbox.ru

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ СОЦИАЛЬНЫХ СУБЪЕКТОВ КОНФЛИКТНОЙ СИТУАЦИИ В МЕДИАТЕКСТАХ

Любой журналистский текст опирается на конкретных личностей: действующих лиц события, ньюсмейкеров, экспертов и т.д. Категория «герой» - ключевая для продукта медиакоммуникации. В этой связи в исследованиях дискурса СМИ нам представляется особенно актуальной теория социальных субъектов (теория социальных акторов; theory of social actors) Тэо ван Левена. В критическом дискурс-анализе он предлагает исходить из особенностей репрезентации так называемых *социальных акторов*. Под ними он подразумевает «участников социальных практик» (van Leeuwen, 2008, 23). Исследователь рассматривает лингвистические способы их представления в текстах СМИ, что дает необходимую основу для понимания политики средств массовой информации и подоплеки отражаемых в СМИ событий.

Тэо ван Левен выделяет десять способов репрезентации социальных акторов в медиатекстах.

1. *Исключение* (exclusion). «Некоторые социальные акторы, которые являются в действительности частью действия, события или практики, могут быть не учтены, остаться нерепрезентированными», отмечает ванн Левен (vanLeeuwen, 2009, 282). Предполагается, что некоторые детали читатель знает или предполагает. Однако такиеисключения могут быть незначительными или же, наоборот, создавать проблему, предотвращая полное понимание того что произошло, т.е. мешая читателю понять реальное положение дел. Ван Левен выделяет два основных способа исключения: преднамеренное замалчивание (suppression) или своего рода «оставление в тени» (backgrounding), т.е. отнесение акторов на задний план.

2. *Распределение ролей* (role allocation). Социальные акторы могут быть репрезентированы либо как активные участники действия, либо как пассивные.

3. *Обобщение и спецификация* (generalization and specification). Ван Левен отмечает, что «выбор между отсылкой на обобщение или спецификацию – важный фактор в репрезентации социальных акторов» (van Leeuwen, 2008, 35), поскольку они могут быть представлены, к примеру, как класс (эмигранты, европейцы), или же как определенные идентифицируемые индивиды.

4. *Ассимиляция* (assimilation). Используя этот способ репрезентации, о социальных акторах говорят как о конкретной группе. Чаще всего в этом случае указывается их количество («*Сорок процентов австралийцев родилось за границей*» (пример ван Левена –van Leeuwen, 2008, 38).

5. *Объединение и разобщение* (association and dissociation). Объединение – еще

один способ репрезентации социальных акторов именно как группы. Причем они не отмечены в тексте как основные социальные акторы, о которых идет речь.

6. *Индетерминация или дифференциация* (indetermination and differentiation). При индетерминации социальные акторы представлены неопределенно или даже как анонимные индивиды/группы, чье определение по сути не важно (часто это передается словами «некоторый», «некто», «каждый»). Дифференциация, наоборот, позволяет отличить социального актора среди других подобных ему.

7. *Номинация и категоризация* (nomination and categorization). В первом случае социальные акторы представлены в терминах своей уникальности, самобытности. Номинация может быть формальной (к примеру, называние по фамилии), полуформальной или неформальной. В случае категоризации социальные субъекты представлены в терминах, по которым можно определить их тождественность с другими социальными категориями.

8. *Функционализация и идентификация* (functionalization and identification). Это два типа категоризации. Первый представляет социального актора в терминах его деятельности, рода занятий, профессиональной роли (корреспондент, редактор). Идентификация репрезентирует социального актора в терминах, по которым «для общества (или его части) он постоянен» (van Leeuwen, 2009, 284). Ван Левен выделяет здесь три типа:

- классификация (classification): социальный актор представлен в терминах его социальных и демографических характеристик: возраст, пол, происхождение, класс, уровень обеспеченности, раса, этническая принадлежность, религия, сексуальная ориентация и др.;
- ролевая идентификация (relational identification): социальный актор репрезентирован с помощью терминов родства или понятий, характеризующих рабочие отношения (друг, коллега, брат и т.д.);
- физическая идентификация (physical identification): используются термины, указывающие на физические характеристики (блондин, брюнет и т.д.).

Также социальные акторы могут быть репрезентированы в терминах, в которых просматривается конкретная оценка (appraisement).

9. *Персонализация и деперсонализация* (personalization and impersonalization). В первом случае «социального актора представляют как человека (humanbeings) через личные или притяжательные местоимения, имена собственные – существительные, которые включают в себя черты «человека» (van Leeuwen, 2009, 285). Социальные акторы могут быть также деперсонализированы, представлены, к примеру, абстрактными или конкретными существительными, исключающими семантические черты «человека» (van Leeuwen, 2009, 285).

10. *Сверхдетерминация* (overdetermination). Возникает в случае, если социальный актор репрезентирован в более чем одной социальной практике.

Опираясь на теорию Тэо ван Левена, мы попытались определить

характеристики репрезентации социальных субъектов (акторов) конфликтной ситуации в текстах СМИ.

В качестве предмета исследования был выбран конфликт, в котором основными фигурантами выступили депутат Госдумы Андрей Исаев и главный редактор газеты «Московский комсомолец» Павел Гусев.

Были проанализированы корпусы текстов «Новой газеты», «Независимой газеты», «Известий».

Описание конфликтной ситуации

Для начала рассмотрим, с чего начался конфликт в социальной реальности. 16 марта 2013 года на сайте газеты «Московский комсомолец» появляется публикация Георгия Янса «Политическая проституция сменила пол». В материале идет речь о трех женщинах-депутатах фракции «Единая Россия», Ирины Яровой, Ольги Баталиной, Екатерины Лаховой, которые, по мнению автора, не придерживаются принципиальных политических взглядов. Одна в свое время поменяла членство в оппозиционной партии на место в правящей. Другие – отказались от идей, которые прежде яростно отстаивали. Подобное поведение в статье журналист обобщил в давно существующем понятии – «политическая проституция».

В тот же день на материал «МК» отреагировал однопартиец вышеупомянутых героинь Андрей Исаев. В своем микроблоге в Twitter он написал: «В желтой газетенке мерзкий, подлый, грязный наезд на 3-х женщин-депутатов. Мерзавцы, сделавшие это, должны знать: тут точно не забудем, не простим!». Часом позже появилась еще одна запись: «Мелкие твари – расслабьтесь, вы нам безразличны. А вот конкретный редактор и автор ответят жестко».

Павел Гусев, главный редактор «Московского комсомольца», реагируя на твиты, пишет заявление в Генпрокуратуру и Следственный комитет с просьбой защитить журналистов его издания. Госдума, в свою очередь, готовит постановление о недопустимости злоупотребления свободой слова в СМИ.

Одновременно с развитием конфликта во многих СМИ появляются материалы, повествующие о скандальной ситуации. И каждое СМИ явно или скрыто принимает в ней определенную сторону, в том числе по-разному, представляя ее главных социальных акторов.

Анализ репрезентации социальных акторов конфликтной ситуации в медиатекстах

«Новая газета»

Уже на примере заголовков видно, что «Новая газета» допускает в репрезентации конфликта один шаг –издание начинает определять ситуацию с описания действий Исаева. В каждом заголовке упоминается именно он. Либо через прямую номинализацию – по фамилии, либо через метафорическую,

называя депутата «мстителем». Ср.: «*Депутат-единоросс Исаев о журналистах (или об избирателях?): мелкие твари – расслабьтесь, вы нам безразличны*», «*Уловимые мстители*», «*Почему угрозы депутата Исаева нельзя оставить без ответа*». Посредством заголовков четко определяется информационный повод, который конкретизируется далее в публикациях: «*Единоросс Андрей Исаев позволил себе угрозы в адрес журналистов*» («Новая газета», 16 марта, 2013). Поводом для публикаций стали неоднозначно интерпретируемые действия депутата. Андрей Исаев представлен как «агрессивный» агент, виновник конфликта.

Любое упоминание о нем далее в текстах обязательно включает номинацию его партийной принадлежности – «*депутат-единоросс*», «*депутат Андрей Исаев*» и т.д.

Должность Исаева в Госдуме авторы упоминают тогда, когда хотят подчеркнуть несоответствие его высокого статуса реальным действиям в отношении «Московского комсомольца»: «*На статью сразу же отреагировал заместитель секретаря генерального совета «Единой России», председатель Комитета Госдумы по труду, социальной политике и делам ветеранов Андрей Исаев, оставив две записи в своем микроблоге*» («Новая газета», №30 от 20 марта 2013 года). Также используется номинации «рыцарь» и «народный избранник» в ироническом контексте: «*О каком нарушении закона идет речь, народный избранник умолчал…*» («Новая газета», №30 от 20 марта 2013 года).

В последних публикациях журналисты делают образ Исаева еще более негативным. Он получает новые оценочные номинации: «*Да и бывший товарищ, ныне господин Андрей Исаев – вовсе не исключение из правил. Он проделал долгий и извилистый путь, похожий на ветвистую линию судьбы на ладони, от активиста-анархиста через грехопадение с профсоюзным движением в «Единую Россию»…*» («Новая газета», 18 марта, 2013). Журналисты стараются подчеркнуть и переменчивость политических взглядов самого Исаева, обращаясь к его прошлому: «*Когда-то бывший социалист-анархист славился…*».

В целом, можно сказать, что именно Исаев стал объектом нападок для журналистов «Новой газеты».

В первых материалах для Яровой, Баталиной и Лаховой авторы выбрали одну номинацию: «депутаты». Однако их образы сразу репрезентированы как отрицательные. В текстах нет простой констатации их объективных обязанностей в Государственной думе. Журналисты, пересказывая исходную конфликтную статью, лишь упоминают о действиях депутатов, которые стали предметом спора. Так, авторы непостоянство их взглядов и действий передают глаголами «*сменила*», «*изменила*», «*переколебалась*» («*Первая легко сменила неспокойное «Яблоко» на уютную «Единую Россию»…*», «*А Ольга Баталина и вовсе за полгода изменила позицию, касательно сирот*»). Журналисты «Новой газеты», таким образом, показали свою солидарность с автором конфликтного материала «Московского комсомольца».

Далее же оценка женщин-депутатов принимает еще более негативную окраску. «Новая газета» «присваивает» в своих текстах номинации «МК» и добавляет свои лексемы с резко негативной семантикой. В частности, авторы в

отношении Яровой, Баталиной, Лаховой используют обозначение «*проститутки*» (однако, закавычивая эту номинацию в своих текстах) и «*политические содержанки*». К примеру, «*Почему история с «проститутками» задела именно секретаря генсовета партии*» или «*Идею о политических содержанках, готовых лечь под любую партию, журналист проиллюстрировал примерами трех представительниц «Единой Росии*» - Ирины Яровой, Ольги Баталиной и Екатерины Лаховой» («Новая газета», №30 от 20 марта 2013 года).

Ответного слова, мнения женщин-депутатов об оценке их деятельности в публикациях нет.

Совсем иначе репрезентированы социальные акторы противоположной стороны конфликта. Стороны «Московского комсомольца» представлены только через функционализацию, то есть по их профессиональным ролям, без открытой оценки – «*главный редактор*», «*главред*», «*заместитель главного редактора*», «*автор текста*». Что показывает их, прежде всего, как простых исполнителей своих профессиональных обязанностей, но не активных участников конфликта. Наоборот, социальным акторам «МК» приходится «отбиваться» от агрессивных нападок Исаева и его однопартийцев. Павел Гусев, а через него и все журналистское сообщество, предстает в качестве жертв: «*Я считаю, что в словах известного политика, которыми он унизил всех журналистов, содержится опасность для их жизни*» («Новая газета», №30 от 20 марта 2013 года). Положение жертвы далее подчеркивается повествованием о действиях Гусева по обращению за защитой («*… написал заявление…в адрес генпрокурора и глав СКР*», «*просит возбудить уголовное дело против Исаева…*», «*предоставить защиту для двух журналистов*»).

Кроме того, подчеркивается и особая должность Гусева в медиасообществе – председатель комиссии Общественной палаты по защите свободы слова и председатель Союза журналистов Москвы, что в контексте конфликта делает акцент на его «благородном» профессиональном статусе.

В целом, прямой речи по поводу скандальной ситуации со стороны Гусева в текстах «Новой газеты» однозначно больше: шесть цитат главреда «МК» против одной Исаева.

В корпусе текстов «Новой газеты» отмечены и другие, скажем, второстепенные, социальные акторы. Прежде всего, это депутаты Госдумы, (а также в целом фракция «Единая Россия»). Они обозначены как «*коллеги Исаева «по цеху*», *парламентарии*, *депутаты*, *единороссы*, названы их конкретные должности и имена («*секретарь генсовета партии Сергей Неверов*»). Их действия авторы издания расценивают как «способы отмщения». Высказывание Исаева главред «МК» оценивает как разжигание ненависти к профессиональному сообществу.

Если говорить о репрезентации конфликта в целом, можно отметить, что в «Новой газете» он представлен как конфликт между депутатом Андреем Исаевым и всем журналистским сообществом. Виновником в этой репрезентации однозначно выступает партиец «Единой России».

«Независимая газета»

Как и в «Новой газете», здесь уже в заголовках конфликт представлен в особом ракурсе. Снова его «зачинщиком» показан депутат Андрей Исаев. Ср.: «*Павел Гусев попросил прокуратуру и СК завести дело на Исаева*». На этом примере слабый глагол *попросил* ставит Гусева в положение жертвы, ищущей защиты. Еще пример: «*Депутаты от «ЕР» подготовили проект документа с требованием отобрать помещение у «МК»*. Здесь внимание привлекает глагол *отобрать*, который делает акцент на применении силы в отношении издания.

В первом же материале «Независимой газеты» Гусев действительно предстает как жертва. Повествование о конфликте уже начинается с рассказа не о твитах Исаева, а о реакции на них главреда «МК» - об обращении в правоохранительные органы, что сразу подчеркивает серьезность информационного повода и отводит тему практически в разряд происшествий.

Уже в первых публикациях «Независимая газета» делает акцент на личности Яровой, даже посвящая ей отдельный материал («*Казус Яровой*», 19 марта, 2013). Ее профессиональная деятельность прорабатывается журналистами глубже и конкретнее, отмечаются те детали (прежде всего, все обстоятельства смены ею партий), которые вызывают негативную оценку. Все это говорит о солидарности авторов с корреспондентами «Московского комсомольца».

Номинаций в отношении Яровой в текстах «Независимой газеты» гораздо больше. Во-первых, те, которые указывают на ее прошлое: «*некогда известная яблочница*», «*экс-прокурор с Камчатки*»; ее нынешний статус: «*депутат*», «*единоросс*»; также она названа «*ньюсмейкером*» (что представляет ее как персону, от которой произрастает корень конфликта), «*госпожой*» (в саркастическом контексте), «*оскандалившейся*» (что делает ее личность, можно сказать, «заклейменной»).

Журналисты «Независимой газеты» указывают на все основные вехи карьеры Яровой. В центре журналистского внимания по-прежнему ее переход из одной партии в другую («…*что же заставило г-жу Яровую, сделавшую весьма успешную партийную карьеру на протяжении 10 лет в «Яблоке», принародно отречься от детища Явлинского*?»).

Ольга Баталина и Екатерина Лахова упоминаются не часто. Авторы обозначают их как «*герои публикации*» или, используя просторечную пренебрежительную лексему – «*соавторши антимагнитской поправки*».

В текстах «Независимой газеты» появляются и другие социальные субъекты – в частности, бывшие соратники Ирины Яровой по партии «Яблоко». Их номинация включает только имя и должность (напр.: «*зампред «Яблока» Александр Гнездилов*», «*лидер молодежного «Яблока» Кирилл Гончаров*»).

В целом, важно отметить, что в материалах «Независимой газеты» количество социальных акторов значительно больше. Такая особенность выполняет важную функцию. За счет расширения количества «действующих лиц» конфликт мы наблюдаем уже на новом уровне. Он перестает быть частным – скандалом между Исаевым и Гусевым, наоборот, журналисты выходят

на общественно-политическую проблему. В данном случае, интенсивно привлекая членов Госдумы в качестве субъектов конфликта и анализируя их работу, авторы «Независимой газеты» говорят о том, что работа парламентариев направлена на повышение благосостояния не населения, а своего собственного: «*Ну а весь этот набор признаков политического кризиса сопровождает соответствующее моральное разложение. Например, уверенность Яровой в том, что если с ее квартирой по закону все в порядке, то и по совести – тоже. Или, скажем, что именно жена депутата Исаева может быть таким успешным риелтором, что гостиницы в Германии сами падают ей в руки*» («Независимая газета», 19 марта 2013) или «*Новость минувшей недели: на фоне набирающих обороты думских скандалов, так или иначе касающихся личного бизнеса или собственности российских парламентариев, депутаты тем не менее набрались смелости, чтобы потребовать увеличения жалованья*» («Независимая газета», 19 марта 2013).

Таким образом, «Независимая газеты» перенесла, можно сказать, частный конфликт между властными лицами и представителями СМИ на социально значимый и резонансный уровень.

«Известия»

Рассмотрим корпус текстов газеты «Известия». Начнем с анализа заголовков. Снова конфликт представлен в особенном ракурсе. Фактологическим акцентом становятся действия Исаева. Однако, несмотря на то, что первый текст датирован 16 марта – началом конфликта, повествование начинается не с рассказа о твитах депутата (первом ответном шаге на резонансную публикацию). Авторы «Известий» публикуют материалы с такими заголовками: «*Исаев: «Я готов встретиться с Гусевым в прокуратуре*», «*Исаев: «Генпрокуратура» разъяснит Гусеву, можно ли оскорблять женщин*». Первый заголовок (первого материала в этом издании) подразумевает, что именно Гусев совершил некие противоправные действия, второй же уточняет, какие конкретно.

Слово Гусева в заглавии текстов звучит лишь однажды: «*Павел Гусев: «Для Исаева газета МК закрыта*». После первых заголовков (и, собственно, материалов – о них речь пойдет ниже) такая ситуация мало что меняет. Ответ Гусева вполне закономерный.

Далее в основном корпусе текстов все заголовки обозначают действия со стороны единороссов в отношении МК: «*Единороссы просят проверить, стрелял ли в полицейских главред МК*», «*Госдума хочет выгнать главреда МК из Общественной палаты*», «*Глава фракции ЕР отказался давать пресс-конференцию в МК*». Так или иначе, сквозь призму этих заголовком просматривается «виновность» газеты «МК».

В содержании первых основных публикаций особым образом выделен Исаев. Во-первых, первая статья – это интервью (ни одна из рассмотренных газет не публиковала беседы с депутатом). Кроме того, во многих публикациях приведена не одна цитата единоросса. Во-вторых, Исаев предстает как защитник оскорбленных женщин и открытый к любым нападкам политик. Вот,

к примеру, одна из цитат, слова которой, кстати, повторяются в нескольких текстах, которая поясняет действия Исаева: «*Единоросс в свою очередь заявил, что он как мужчина должен защитить честь женщин*». Издание цитирует и его комментарии относительно возможных нападков в его сторону (к вопросу об открытости политика): «*…у кого-то есть намерения подать жалобу в комиссию по этике». – Я к этому абсолютно готов – с удовольствием приму участие в рассмотрении этого вопроса, - сказал депутат*» или «*Да, я слышал, что председатель Союза журналистов России господин Богданов хочет рассмотреть мои твиты на коллегии по злоупотреблениям в средствах массовой информации. С удовольствием приму участие в этом разговоре и поставлю вопрос об использовании медиамагнатами журналистики и самих журналистов с целью проведения информационных войн против России*». Последние слова этого комментария, воспроизводящие фрагмент отрицательной картины мира, усиливают «правоту» Исаева и его образ борца за справедливость. Номинация «*медиамагнат*», которой пользуется депутат, в российской культуре имеет отрицательные коннотации.

Также рефреном звучат слова о том, что Исаева поддерживают его коллеги, а значит, действия приобретают одобрение из вне.

В рамках интервью впервые депутата называют по имени и отчеству – «*Андрей Константинович*». В то же время в интервью Гусева такого уважительного обращения нет.

Кроме того, в первой же публикации авторы «Известий» делают акцент на то, по какой причине появилась скандальная публикация в «МК». Ответ дается после комментариев самого Исаева: «*статья, оскорбляющая женщин- депутатов, - месть за их попытку запретить рекламу интим-услуг в СМИ», которую якобы публикует «МК*». В этом контексте значительно «поднимаются» образы Яровой, Баталиной, Лаховой, как защитниц нравственности. К тому же, их оскорбление признается свершившимся фактом: «… *депутат Госдумы Андрей Исаев заявил журналистам, что Генпрокуратура и Следственный комитет дадут разъяснения главному редактору Павлу Гусеву, можно ли публично оскорблять женщин*». Исаев же дает положительную характеристику работе женщин-депутатов, представляя их как тех, кто отстаивает национальные интересы: «*Яровая требует, чтобы вернули деньги в страну (правда, не указано каких), Баталина и Лахова выступают в защиту детей в нашей стране*». Далее авторы «Известий» поясняют, что в конфликтной статье «*женщины-депутаты*» меняли свои позиции по разным вопросам. Причем, покаким конкретно, в том числе то, что это были политические вопросы, не указано. Аудитория получает своеобразный сигнал: они не сделали ничего противоправного – нападки на них не обоснованы. Впрочем, личности женщин-депутатов крайне редко появляются в исследуемых публикациях.

Павла Гусева авторы «Известий» чаще всего представляют как главного редактора «Московского комсомольца» или вовсе никак не обозначают. Виноватым в конфликте остается именно главред «МК». Характер вопросов в интервью с ним, аргументация своих действий депутатами Госдумы, их комментарии относительно Гусева говорят о том, что главред «МК» поступил неэтично и непрофессионально, опубликовав скандальную статью. Вот пример некоторых вопросов к Гусеву от журналистов: « - *Почему вы просите прокуратуру*

возбудить уголовное дело...? Физически он не препятствовал журналистам МК в доступе к информации... - Насколько этично называть депутата содержанкой, фактически проституткой? – А если бы кого-то из ваших коллег назвали содержанками, вы бы вступились?».

Таким образом, в газете «Известия» конфликт представлен как конфликт между Андреем Исаевым и Павлом Гусевым. Однако в последующих публикациях он перерастает в проблему злоупотребления СМИ свободой слова.

Выводы

Любая конфликтная ситуация связана с конкретными именами, поэтому в анализируемых нами публикациях в качестве социальных акторов выступали именно личности, а не группы или классы. Это обусловило использование определенных способов их репрезентации. В частности, согласно теории ван Левена, в изученных журналистских текстах применяется номинация, функционализация, идентификация, распределение ролей. Все эти приемы направлены на представление определенных индивидов, но не общностей.

Однако теория социальных акторов Тэо ван Левена дает возможность проанализировать не только характер репрезентации героев медиатекстов, но и выявить «отношение» СМИ к событиям и фактам. К примеру, в нашем случае нам удалось увидеть, как издания преподносят конфликтную ситуацию, какую дают оценку. Конфликт оказывается неоднозначным – пресса принимает разные стороны в этом споре. В результате чего можно говорить о направленности газет, их делении в зависимости от редакционной политики – в нашем случае – на оппозиционные, претендующие на звание «нейтральных», проправительственные.

Таким образом, теория социальных акторов при анализе конфликтной ситуации позволяет с нового ракурса взглянуть на дискурс СМИ, а также расширить арсенал приемов критического дискурс-анализа.

Список литературы:

Van Leeuwen, T. Discourse and practice. New tools for critical discourse analysis. Oxford university press, 2008. – 185 p.

Van Leeuwen, T. Critical discourse analysis // Discourse, of course. An overview of research in discourse studies/ Ed. by J. Renkema.- Amsterdam: John Benjamins B.V., 2009. – 403p.